

УДК 325.1

МИГРАНТЫ ИЗ ГОСУДАРСТВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ

© 2018 Н.С. Мухаметшина

Самарский государственный технический университет

Статья поступила в редакцию 25.09.2018

Статья подготовлена по материалам социологического исследования. Рассматриваются практики социокультурной интеграции представителей центральноазиатских этнических общин в Самарской области, условия и факторы, определившие выбор стратегии взаимодействия с представителями принимающего сообщества, роль диаспорных общин в интеграционных процессах.

Ключевые слова: этническая культура, диаспора, социокультурная интеграция, стратегии интеграции, традиции, поликультурный регион.

*Финансовая поддержка Российского Фонда Фундаментальных исследований.
Грант №18-411-630002.*

С середины 1990-х гг. и по настоящее время Самарская область, как и ряд других субъектов Российской Федерации, осваивается мигрантами из государств Закавказья и Центральной Азии. Мигранты приезжают на заработки либо на постоянное проживание, со временем получая российское гражданство. Итоги переписей населения 1989 г. и 2010 г. зафиксировали увеличение численности и удельного веса представителей народов Кавказа и Центральной Азии в составе постоянного населения Самарской области в 2,9 раза. В 1989 г. совокупная численность представителей кавказских и центральноазиатских народов составляла около 23 тыс. человек, удельный вес 0,7%, в 2010 г. соответственно около 67 тыс. человек, 2,0%. Миграционно активны представители таких центральноазиатских народов, как киргизы, таджики, узбеки. По данным Всесоюзной переписи 1989 г., на территории области проживали 5990 граждан перечисленных национальностей, а их совокупный удельный вес в населении составлял 0,18%. По данным Всероссийской переписи 2010 г., данная группа населения составила 21176 чел., удельный вес 0,66%.

Таким образом, численность представителей трех наиболее миграционно активных центральноазиатских народов в составе населения Самарской области за 21 год возросла в 3,5 раза, а удельный вес в 3,7 раза¹.

Мигранты активно используют различные индивидуальные и коллективные способы приспособления, ресурсы различных диаспорных институций. Так, в рамках проекта «Общины выходцев из Закавказья в Самарской области: изучение опыта социокультурной интеграции (на примере армян, азербайджанцев, грузин)»

Мухаметшина Наталья Семеновна, доктор политических наук, профессор, кафедра философии.

E-mail: nmukhametshina@mail.ru

было установлено, что подавляющее большинство опрошенных не только знают о существовании общественных национально-культурных организаций и поддерживают с ними контакты, но и позитивно оценивают их деятельность и поддержку в различных жизненных ситуациях².

В ходе реализации проекта «Изучение феномена социокультурной интеграции мигрантов из государств Центральной Азии в Самарской области» в целом подтвердилась гипотеза об использовании в целях приспособления к новым условиям жизни ресурсов различных диаспорных институций. В частности, в план стандартизированного интервью были включены вопросы о деятельности общественных национально-культурных организаций. Такие организации образованы выходцами из всех государств Центральной Азии, в том числе из тех, которые были включены в исследование (Киргизия, Таджикистан, Узбекистан). Например, это «Узбекская община», «Узбекский национально-культурный центр «Алишер Навои»», благотворительный фонд «Помощь киргизскому народу «Манас - Ата»», региональная организация таджикстанцев «Пайванд – Единство»³.

Опрашивались проживающие в Самарской области и по формальному признаку интегрированные в принимающий социум (наличие российского гражданства) этнические киргизы, таджики, узбеки. В ходе интервью выявлено, что из 50 опрошенных киргизов 27 человек (54%) знают о деятельности киргизских общественных организаций. Среди 50 опрошенных таджиков знают о деятельности таджикских общественных организаций 11 человек (22%). Среди такого же количества опрошенных узбеков знают о деятельности узбекских общественных организаций 27 человек (55%). Свыше четверти респондентов-киргизов (14 человек, 25%) счи-

тают, что киргизские общественные организации активно участвуют в жизни общины и оказывают необходимую помощь. Почти четверть (11 человек, 22%) отметили, что общественники стараются оказывать помощь, но активной поддержки люди не ощущают. Не согласился с такой позитивной оценкой деятельности киргизских национально-культурных организаций один из опрошенных, однако почти половина респондентов не смогли определиться с оценкой (21 человек, 46%). Среди принявших участие в опросе таджиков каждый второй также затруднился как-то оценить деятельность национальных общественных организаций (25 человек, 50%). Голоса позитивно и негативно оценивающих деятельность таджикских национально-культурных организаций разделились следующим образом: позитивно – 18 респондентов, негативно – 6 респондентов. При этом отметивших, что общественные организации активно участвуют в жизни общины и оказывают необходимую помощь, почти вдвое больше, чем тех, кто более скромно оценивает деятельность общественников («стараются оказывать помощь, но активной поддержки люди не ощущают»): соответственно 11 и 6 человек. Позитивную оценку получила деятельность узбекских общественных национально-культурных организаций: из 50 опрошенных этнических узбеков 19 считают, что общественные организации активно участвуют в жизни общины, и 11 отметили, что общественники стараются оказывать посильную помощь (30 человек, 60%). Негативную оценку дали 4 респондента, 16 не смогли определить свое мнение.

Таким образом, среди опрошенных представителей центральноазиатских этносов от одной четверти (этнические таджики) до половины (этнические киргизы, узбеки) интересуются деятельностью соответствующих общественных национально-культурных организаций. Смогли оценить эту деятельность примерно половина граждан киргизской и таджикской национальности, две трети граждан узбекской национальности. В целом, за редким исключением, деятельность национально-культурных организаций оценивается позитивно, что позволяет отметить их востребованность значительной частью уже имеющими российское гражданство выходцами из центральноазиатских стран.

Часть участвующих в опросе представителей центральноазиатских этносов оказались акти-

вистами национально-культурных организаций: среди респондентов-узбеков таких пятеро, среди респондентов-киргизов – четверо, среди опрошенных таджиков активистов не обнаружено. Посещают мероприятия, которые проводят национальные общественники, также сравнительно немногие: 10 респондентов киргизской национальности, 11 – узбекской, 4 – таджикской. Выборка исследования не предполагала включение в опрос респондентов, каким-либо образом связанных с общественными национально-культурными организациями, поэтому активисты и пассивные участники данных организаций оказались среди респондентов случайно.

Обращает на себя внимание и тот факт, что информированность о существовании и деятельности национально-культурных организаций значительно превосходит реальное участие в их деятельности. Личный опыт наблюдений позволяет отметить, что мероприятия национально-культурных организаций, межнациональные праздники, как правило, многолюдны. Полагаем, что по мере накопления интеграционных практик, социального капитала потребность в поддержке со стороны «своих» общественных организаций ослабевает. С другой стороны, «новожители», имеющие сравнительно небольшой опыт проживания в конкретном российском регионе, вынуждены тратить больше времени и усилий для обустройства на новом месте. Соответственно меньше возможностей принимать участие в общественной жизни диаспоры. Данные о сроках проживания респондентов в Самарской области не выявили корреляции с их участием в деятельности национально-культурных организаций (табл. 1).

Значительная часть участников опроса отметили положительное влияние деятельности национально-культурных организаций на такие процессы, как преодоление социокультурного дискомфорта, межэтническая напряженность, социальная адаптация. Многие согласились с положительной оценкой роли этих организаций в решении различных жизненных проблем (табл. 2).

Негативная оценка деятельности национально-культурных организаций отмечена всего в четырех случаях, и только среди этнических киргизов и узбеков (табл. 3).

Для подавляющего большинства участников опроса оценить деятельность национально-культурных организаций оказалось сложно (табл. 4).

Таблица 1. Распределение ответов на вопрос «Сколько лет Вы проживаете в Самаре?» (число ответивших, проценты)

варианты ответов	этнические киргизы	этнические таджики	этнические узбеки
Более 10 лет	29 чел., 58%	20 чел., 40%	17 чел., 34%
5-10 лет	14 чел., 28%	19 чел., 38%	7 чел., 14%
Менее 5 лет	7 чел., 14%	11 чел., 22%	26 чел., 52%

Таблица 2. Позитивная оценка направлений деятельности национально-культурных организаций (число ответивших, проценты)

утверждения	этнические киргизы	этнические таджики	этнические узбеки
Общественные организации помогают преодолевать социокультурный дискомфорт	19 чел., 38%	10 чел., 20%	35 чел., 70%
Общественные организации помогают снижать межэтническую напряженность	19 чел., 38%	2 чел., 4%	35 чел., 70%
Общественные организации помогают адаптироваться в обществе	18 чел., 36%	9 чел., 18%	35 чел., 70%
Общественные организации помогают решать проблемы	20 чел., 40%	4 чел., 8%	35 чел., 70%

Таблица 3. Негативная оценка направлений деятельности национально-культурных организаций

утверждения	этнические киргизы	этнические таджики	этнические узбеки
Общественные организации не помогают преодолевать социокультурный дискомфорт	1 чел., 2%	-	1 чел., 2%
Общественные организации не помогают снижать межэтническую напряженность	1 чел., 2%	-	1 чел., 2%
Общественные организации не помогают адаптироваться в обществе	-	-	-
Общественные организации не помогают решать проблемы	-	-	-

Таблица 4. Оценка направлений деятельности национально-культурных организаций
Затруднились ответить

утверждения	этнические киргизы	этнические таджики	этнические узбеки
Общественные организации помогают преодолевать социокультурный дискомфорт	30 чел., 60%	40 чел., 80%	14 чел., 28%
Общественные организации помогают снижать межэтническую напряженность	30 чел., 60%	48 чел., 96%	14 чел., 28%
Общественные организации помогают адаптироваться в обществе	32 чел., 64%	41 чел., 82%	15 чел., 30%
Общественные организации помогают решать проблемы	30 чел., 60%	46 чел., 92%	15 чел., 30%

Исключение представляют ответы респондентов-узбеков, более двух третей (70%) которых дали позитивную оценку и менее одной трети затруднились определиться. В группе респондентов-киргизов преобладают затруднившиеся с ответом (60%), давших позитивную оценку – свыше трети (от 36% до 40%). Заметно отличается ситуация в группе респондентов-таджиков, для которых оценка деятельности национально-культурной организации оказалась сложной задачей: от 80% до 96% затруднились

это сделать. В этой группе отмечена низкая информированность о деятельности таджикской национально-культурной организации: знает о ее существовании каждый пятый из участвующих в опросе, соответственно четверо из пяти не знают. Тогда как среди респондентов-киргизов и респондентов-узбеков информирован каждый второй.

Оценка деятельности национально-культурных организаций, как видим, дифференцирована по этническим группам и коррелирует

с информированностью и включенностью респондентов в общественную жизнь диаспор. Более информированные и более включенные в общественную жизнь этнические узбеки и киргизы чаще давали позитивную оценку, чем этнические таджики. Полагаем, что на оценку повлиял личный опыт либо опыт родственников, земляков, обратившихся в общественные национально-культурные организации.

Социальные практики, сложившиеся в принимающих сообществах, в целом доминирующая культура оказывают давление на инокультурных «новожителей» (культурно отличимых мигрантов), которые вынуждены их осваивать, приспособлять, включать в жизненное пространство. Изучение процессов приспособления инокультурных мигрантов в принимающей социокультурной среде показывает, что мигрантские общины и агрегации воспроизводят и собственный этнокультурный опыт. Такой вывод основывается как на результатах наших проектов, так и полученных другими исследователями⁴.

Результаты опроса свидетельствуют о функциональности этнической культуры. Так, две трети респондентов-киргизов, четверть респондентов-узбеков, три четверти респондентов-таджиков отметили, что в интерьере их дома либо квартиры присутствуют элементы этнического стиля. Чаще всего все участники опроса указывают, что это ковры и посуда. Все респонденты знают блюда национальной кухни, большинство сами умеют их готовить: 38 респондентов-киргизов (76%), 22 респондента-узбека (44%), 45 респондентов-таджиков (90%). Судя по результатам опросов, для подавляющего большинства киргизов и таджиков, принимавших участие в опросе, национальные блюда сохраняют существенную часть рациона. Несколько меньшее значение имеют блюда национальной кухни в рационе питания узбеков. Почти каждый день готовят национальные блюда 35 (70%) киргизов, столько же таджиков, 19 (38%) узбеков. В остальных семьях национальные блюда готовят 2-3 раза в месяц либо по праздникам. Самые распространенные блюда в киргизских семьях – плов, бешбармак, баурсак; в узбекских – плов, манты, шорпо; в таджикских – плов, шорпа, курутоб.

Языковые практики также демонстрируют функциональность этнокультуры. Практически все наши респонденты отметили, что с родственниками из других российских регионов и проживающими на родине они общаются на родном языке. Так, 47 респондентов-киргизов (97% от числа опрошенных) общаются с родней на киргизском языке, а трое на русском. Среди респондентов-таджиков только четверо не используют таджикский язык при общении

с родственниками. В этих случаях они предпочитают русский (3 респондента) либо узбекский (1 респондент). Все 50 участвующих в опросе этнических узбеков при общении с родственниками используют узбекский язык. В целом из 150 опрошенных представителей центральноазиатских народов 143 используют родные языки. При этом, будучи гражданами России, все респонденты владеют русским языком и пользуются им в своей повседневной жизни.

Зафиксированная в ходе опроса функциональность этнической культуры, включая языковые практики, рассматривается в контексте культурного капитала, который в значительной степени «смягчает» вхождение в новую социальную среду⁵. Однако культурный, в данном варианте – этнокультурный опыт (капитал) может и способствовать, и затруднять процесс интеграции.

Для общения с родственниками большинство используют интернет и телефон. Среди 50 респондентов-киргизов 36 чаще всего пользуются интернетом и 12 – телефоном. Среди респондентов-таджиков соответственно – 28 и 22. Среди респондентов-узбеков предпочитают телефонную связь: чаще всего ее используют 34 участника опроса, 16 предпочитают интернет. В любом случае использование современных средств коммуникации способствует не только поддержанию внутригрупповых связей, но и преодолению психологического и социокультурного дискомфорта.

Как правило, этническая культура, в частности такие ее атрибуты, как пища, одежда, интерьер жилища, функционирует на бытовом уровне, внутри семьи, в общинных связях. С другой стороны, можно отметить демонстрацию атрибутов этнокультуры, обращение к этнокультурным практикам и при контактах с местным населением, которое хотя бы частично включает этот этнокультурный капитал в свою культуру повседневности. Следовательно, интеграция – взаимонаправленный процесс, объективно включающий в свою орбиту обе стороны – как мигрантов («новожителей»), так и местных жителей («старожильческое население»). Вместе с тем все программы и мероприятия, включая Стратегию государственной национальной политики, рассматривают инокультурных мигрантов как объект интеграции.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Подсчитано по: [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: http://demoscope.ru/meekly/ssp/rus_nac (дата обращения 12.09.2018).

² Мухаметшина Н.С., Явкин Н.В. Мигранты из государств Закавказья в Самарской области // Известия СамНЦ РАН. 2016. Т.18. №6. С.224-229; Агаджанян Л.А., Ягафова Е.А. «Союз армянской молодежи» в

структуре армянской диаспоры Самары // Самарский научный вестник. 2017. Т.4. №3. С.197-198.

³ [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <http://www.samddn.ru> (дата обращения 11.09.2018).

⁴ См., например: *Нам И.В.* Роль национально-культурных автономий в адаптации/интеграции мигрантов: право и реалии (опыт Томской области) // Государство, Общество и Церковь: миграция и межкультурное многообразие. Ч.2: Материалы науч.-практ. конф. с международным участием. Новосибирск, 2018. С.104-108; *Пружинин А.Ф.* Особенности

социальной адаптации мигрантов через призму социального и человеческого капитала // Позитивный опыт регулирования этносоциальных и этнокультурных процессов в регионах Российской Федерации: Материалы III Всероссийской науч.-практ. конф. Казань: ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. С.406-409.

⁵ *Бурдые П.* Формы капитала // Электронный журнал. 2002. Т.3. №5. С.60-74 / Пер. М.С. Добряковой. [Электронный ресурс]; Режим доступа URL: <https://ecsoc.hse.ru> (дата обращения 11.09.2018)

MIGRANTS FROM CENTRAL ASIAN COUNTRIES IN THE SAMARA REGION

© 2018 N.S. Mukhametshina

Samara State Technical University

This article is written on the basis of sociological research. It deals with the practices of social and cultural integration of members of Central Asian ethnic communities in the Samara region, the conditions and factors that determined the choice of strategies to interact with representatives of the host community, and the role of diasporas in the integration processes.

Keywords: ethnic culture, diaspora, social and cultural integration, integration strategies, traditions, multicultural region,